

На следующий день, едва взошло солнце, Линху Фэн с мечом в руке замер среди персиковой рощи перед деревянным домом. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль, а лучи рассветного солнца брызгами рассыпались по ручью, пересекавшему рощу, словно растертое золото.

Легкий ветерок коснулся воды, заставляя золотистую рябь дрожать, а распустившиеся цветы персика закружились в воздухе и полетели вниз. Линху Фэн плавно взмахнул мечом, и в следующее мгновение клинок со свистом рассек воздух. Резкий поворот запястья, скручивающийся изгиб сильного стана — в каждом движении чувствовалась невероятная легкость и изящество. Со стороны казалось, что он двигается совершенно невесомо, однако сила меча не уступала порывам бурного ветра. Поднятая волна ци заставила опадающие лепестки закружиться в диком танце, взмывая и опускаясь в полумраке. Наконец Линху Фэн медленно опустил меч. Бессчетные розовые лепестки, только что сбившиеся в плотную тучу, сыпались дождем, почти превращаясь в воздушную розовую завесу. А за этой цветочной занавесью он снова обрел прежнюю отрешенную элегантность — поистине тихий, как дева, и быстрый, как сорвавшийся с привязи заяц, причем от начала и до конца дыхание его оставалось абсолютно ровным.

Неподалеку молодой человек с резкими, мужественными и красивыми чертами лица молча вглядывался в холодного мужчину, то проступающего сквозь розовую пелену, то скрывающегося за ней. Его левая рука, опущенная вдоль тела, чуть заметно дрожала, а глубокий взгляд выдавал не только благоговейный трепет перед силой старшего, но и каплю странной, необъяснимой привязанности.

В то же время другой юноша, чья внешность казалась легкомысленной и слегка женоподобной, стоял с пылающим лицом. Его персиковые глаза сияли от восторга, а в глубине взгляда отчетливо читались пресловутая жажда и непреклонная решимость завладеть желаемым! Юноша сжал кулаки, изо всех сил пытаясь обуздать собственные импульсы и возбуждение, и мысленно восхищался: поистине это был образцовый таинственный отшельник, превосходящий красотой всех персонажей во всей новелле!

При мысли о том, что в будущем этот холодный мужчина будет смотреть на него полными нежности глазами и изливать океан страстной любви, юноша почувствовал, как его дыхание становится частым и поверхностным.

Линху Фэн держал меч за спиной, глядя вдаль с отрешенным видом, словно его совершенно не трогал этот хором опавших лепестков, пропитанный романтическим настроением. Он упорно всматривался в неведомые дали... Эх, вчера А Цзю весь вечер ухаживал за раненым главным героем, из-за чего он сам так и не смог выскользнуть наружу, чтобы поймать дикого кабана. Неужели и сегодня придется питаться пресной пищей?..

Побыв меланхоличным красавцем ровно мгновение, Линху Фэн с бесстрастным выражением лица повернулся обратно. Стоя на месте, он холодно и отстраненно окинул взглядом двоих приближающихся юношей.

Во взгляде главного героя ясно читались благоговение и тоска по высокому мастеру, а еще капелька... зависимости? Сердечко Линху Фэна дрогнуло, и он перевел скрытый взгляд на

второго юношу с женоподобными чертами лица: тот смотрел на него с нескрываемыми амбициями и животным желанием, лицо его искажалось от попыток сдерживать возбуждение и нетерпение, руки крепко сжались в кулаки и едва заметно дрожали, а дыхание было явно учащенным.

Пальцы Линху Фэна, сжимающие рукоять меча, чуть напряглись. Под взглядом этого парня у него возникло неприятное ощущение, будто его раздели догола и изнасиловали глазами. Такой преисполненный скверны низменный звериный алч заставил Линху Фэна невольно вспомнить о не самых приятных воспоминаниях. Высокомерный и холодный небожитель впервые за долгое время нахмурился, его взгляд стал еще ледянее. И хотя черты лица оставались неподвижными, каждый мог бы ясно почувствовать его искреннее недовольство.

Чуть приподняв левую руку, Линху Фэн мгновенно зажал между указательным и средним пальцами несколько сорвавшихся с ветки нежных лепестков. Резкое движение запястья — и мягкие цветы сорвались с места, пустившись в путь с яростью шторма и пронзительным свистом рассекаемого воздуха. Юноша ощутил, как на него накатывает леденящая душу убийственная волна. Его щека слегка онемела, по коже пробежал холодок, а у виска сорвало и унесло прочь несколько волосков.

Глаза юноши выкатились из орбит, точно лягушачьи, он машинально протянул руку и провел по лицу — на щеке алел неглубокий порез, из которого сочилась тонкая струйка крови. Вспомнив, как лепесток пронесся в опасной близости от кожи, парень судорожно сглотнул, издав перенапряженным горлом глухой сиплый звук.

Главный герой, заметив, что Линху Фэн играючи ранит лепестками, и глядя на неглубокую царапину соперника, хоть и не понимал, что произошло с тем мгновение назад, прекрасно осознавал: это предупреждение от старшего. И хотя он не испытывал к этому парню никакой симпатии, падение со скалы всё же произошло из-за него, поэтому он поспешно сложил руки в кулак, почтительно склонил голову и извинился:

— Прошу старшего о снисхождении, брат Лао совершил немало глупостей, не судите его строго.

Услышав это, Линху Фэн бросил взгляд на главного героя, перевел холодный взор на женоподобного юношу и произнес ледяным тоном:

— Убери свой взгляд. Если я увижу его снова, тебе больше не понадобятся эти глаза!

Линху Фэн веками выполнял задания. Новобранцев, только-только попавших в различные исполнительные органы под началом Небесного Пути, в обязательном порядке отправляли на несколько лет на поле боя смертных миров закаляться в боях. Разумеется, каждый из них после такого действовал без малейших колебаний, а в их сердцах оставалось лишь самое твердое упорство и вера, в то время как сами они давно стали бессердечными и хладнокровными.

Увидев, что Линху Фэн больше не намерен продолжать, а стоящий рядом юноша так и замер в

растерянности, главный герой поспешно улыбнулся:

— Старший, младший — Лоу Цинкун, а это мой спутник — Лао Байвэй. Большое спасибо старшему за спасение жизни. Хотя мои способности и невелики, но если понадобятся услуги меня, Лоу Цинкуна, я готов пройти сквозь огонь и воду, не колеблясь ни секунды!

Опомнившийся к тому моменту Лао Байвэй обнаружил, что вся та буря амбиций и животного желания, захлестнувшая его при внезапной встрече с прекрасным Наставником, временно рассеялась под страхом от только что выпущенного цветочного лепестка. Заметив, насколько вежливо ведет себя Лоу Цинкун, он, разумеется, не пожелал отставать. Юноша поспешно выровнял выражение лица, опустил глаза и с подобающим почтением подробно представился, а напоследок попытался — как ему казалось, скрытно — намекнуть, что в случае каких-либо поручений дом Лао непременно приложит все усилия.

Однако Линху Фэн заранее решил строго следовать сюжетному пути и взращивать исключительно главного героя, и его недавнее нескрываемое отвращение к Лао Байвэю отчасти было обусловлено именно этим. Помолчав немного, он устремил на главного героя холодный взгляд и произнес:

— У меня есть одно трудное дело, и мне нужно твое согласие. Если ты согласен, следуй за мной.

С этими словами он резко взмахнул запястьем, и зажатый в руке драгоценный меч со свистом вонзился в темные ножны, висевшие на ветке персикового дерева. Раздался звонкий металлический щелчок, когда клинок полностью вошел в ножны. После этого Линху Фэн заложил руки за спину и неторопливо зашагал вперед. Его шаги были легкими и непринужденными, и хотя Лоу Цинкун попытался ускорить шаг, угнаться за ним не получилось — под конец ему даже пришлось перейти на легкий бег.

Лао Байвэй остался стоять на месте, с досадой покусывая губу и колеблясь, стоит ли следовать за ними. Он провел рукой по щеке, а затем со злостью повернулся и направился обратно в комнату.

Погоди, вот ты в меня влюбишься, и я покажу тебе, как следует издеваться над людьми, чтобы смыть сегодняшний позор! Думаешь, раз красивый, так можно безнаказанно третировать меня? Хм! — Лао Байвэй живо представил, как на этом высокомерном лице появляется раскаяние, мольба о пощаде и даже коленопреклоненная просьба о прощении, и на сердце у него наконец-то стало легче.

До своего попадания Лао Байвэй был самым обыкновенным, ничем не примечательным слабым домоседом. Необычным было лишь то, что он являлся записным, пугливым и трусливым геем, который боялся носа высунуть на улицу. Днями напролет он околачивался на просторах виртуального сетевого мирка, греча душу мечтами о том, как в один прекрасный день его окружит толпа превосходных, первоклассных преданных альфа-самцов различных типов, и тогда он станет центром их вселенной, самым дорогим и важным человеком в их жизни!

Именно поэтому он и сам насочинял немало историй в жанре Мэри Сю о всеобщем любимчике-гаремостроителе. Но в тот день, когда очередной читатель разразился гневом на его смазливового главного героя-пассивку, Лао Байвэй в ярости взмахнул рукой и смахнул со стола миску с лапшой быстрого приготовления. Бульон залил валявшийся под столом удлинитель, и неудачливого парня насмерть ударило током.

Кто бы мог подумать, что, придя в себя, он обнаружит: он угодил в только что прочитанную новеллу под названием «Путь меча и страстей в Цзянху», вселившись в персонажа с точно такими же именем и фамилией — пушечное мясо номер два, любовника невесты главного героя, Лао Байвэй! События разворачивались ровно в тот момент, когда прежний Лао Байвэй вместе с невестой главного героя, Мин Мэн — единственной дочерью главы союза боевых искусств, — застали за любовными утехами главного героя Лоу Цинкуна, после чего тайком бросили того в темницу и подвергли жестоким пыткам. Лао Байвэй сам по себе безумно фанател от главного героя — сурового, храброго и благородного мужа, прошедшего через всевозможные испытания и оставшегося верным рыцарскому долгу. Он даже несколько раз занимался самоудовлетворением, глядя на концепт-арт, опубликованный первоначальным автором. Естественно, он тут же побежал освобождать протагониста, принялся нести всякую чушь, оправдываясь «безвыходностью», и страстно возжелал припасть к могучим баснословным возможностям главного героя.

Что же до соблазнения, то оно, разумеется, планировалось чуть позже, когда они получше друг с другом познакомятся.

Лао Байвэй никогда не сомневался в таком пустяковом вопросе, как влюбится ли в него этот человек. Он твердо верил, что попал сюда именно ради того, чтобы исполнить свою мечту — собрать гарем из красавчиков! Переместившись в этот мир, он просто обязан быть новым главным героем, предначертанным самой судьбой!

Но он и не подозревал, что у Лоу Цинкуна с ранних лет умерла мать, и он вместе со старшей сестрой, которая была на пять лет его старше, с трудом выживал под зорким надзором мачехи в семье Лоу. Когда ему исполнилось десять, сестра вышла замуж, и Лоу Цинкун остался один, вынужденный влачить жалкое существование. Он уже давно познал всю горечь человеческих отношений и отлично умел читать по лицам. Разве мог такой человек поддаться на обман Лао Байвэя — никчемного домашнего затворника, целыми днями прячущегося дома?

Просто Лоу Цинкун не мог разгадать истинных намерений парня, к тому же ему действительно требовалась помощь, чтобы выбраться из темницы. Поэтому он молча прошел весь путь, не разоблачая Лао Байвэя и позволяя тому всячески угождать себе.

Откуда было знать простодушному юноше Лоу Цинкуну, который был прям как палка, что Лао Байвэй замышляет недоброе!

Линху Фэн, слегка проанализировав выражение лица Лао Байвэй чуть ранее, уже составил определенные предположения. Впрочем, с подобными делами должны разбираться сотрудники правопорядка соответствующих ведомств. Если случайно забредшие в иной мир лица не оказывают влияния на столпы всего мироздания, то есть на траекторию судьбы главного героя,

Линху Фэн, как сотрудник исполнительного органа системы золотых пальцев, вмешиваться не имел права.

Однако, судя по виду Лао Байвэй, та не казалась человеком, способным смириться с ролью отшельника, прозябающего в этом мире. Но, глядя на ее жалкий эмоциональный и интеллектуальный уровень, не стоило слишком сильно беспокоиться о тех, чьи амбиции столь явно расходятся с собственными способностями. Поэтому Линху Фэн слегка покрутил эту мысль в голове и отбросил ее, переключившись на подготовку программы обучения для главного героя.

Лоу Цинкун шел следом за Линху Фэном до деревянного терема, в комнату, похожую на кабинет. Окинув взглядом стоявшего перед ним спиной к окну мужчину, Лоу Цинкун про себя подумал, что хотя в клане Лоу к нему и относились прохладно, ему довелось повидать немало красавиц. Но даже госпожа Яо, о которой когда-то изда доносились слухи как о первой красавице в Поднебесной, стоило ей встать рядом с этим мужчиной, мгновенно померкла бы и показалась вульгарной. Поистине оставалось лишь гадать, какими же достоинствами должна обладать женщина, способная стоять плечом к плечу с таким человеком!

Пожалуй, во всем мире едва ли найдется кто-то, кто достоин встать с ним вровень?!

Эта мысль мелькнула в голове Лоу Цинкуна, но тут же показалась ему смехотворной. Переведя взгляд на стены, сплошь заставленные книгами, он бегло заметил трактаты по военному делу, медицинские справочники, географические записки, путевые заметки, буддийские и даосские каноны, и даже классические труды Конфуция и Менция, которые углубленно изучали обычные ученые. На одной стене висело несколько свитков с каллиграфией, написанной размашистым и дерзким почерком, полным неповторимого характера, а на другом столе незаконченный пейзаж: вид из окна на далекие горы, ближние воды и персиковый сад. Лоу Цинкун проникался к этому человеку все большим благоговением и восхищением.

Интересно, найдется ли в этом мире хоть что-то, что оказалось бы не по силам столь удивительному мужу?

Если бы он знал Хуан Яоши, то легко нашел бы точное описание: за исключением деторождения, Линху Фэн действительно умел абсолютно всё. Впрочем, его товарищи по команде были примерно на таком же уровне, просто у каждого имелась своя узкая специализация.

Линху Фэн слегка помолчал, выжидая, пока атмосфера сгустится должным образом, и отвел взгляд от далеких горных вершин, где намеренно приметил логово диких кабанов. Обернувшись, он посмотрел глубоким взглядом:

— Ты говоришь о желании отплатить за добро, но у меня есть одна трудность. Покойный наставник завещал мне прославить нашу школу, однако от природы я человек праздный, о чем учитель прекрасно знал. Перед смертью он наказал мне как можно скорее отыскать человека с выдающимися способностями, который унаследует тайные искусства нашей септы и претворит в жизнь его пожизненные труды. Сейчас я смотрю на твое телосложение — оно поистине

превосходно. Скажи, не желаешь ли ты вступить в мою секту и взвалить на себя это тяжелое бремя?

Лоу Цинкун остолбенел. Человек, на которого еще мгновение назад он мог лишь упоенно взирать снизу вверх, в одно мгновение должен был стать его наставником и всецело взяться за его обучение?! Это было все равно что великая фигура, на которую ты вечно смотрел издалека, вдруг оказалась рядом и шепнула, что у тебя тоже есть шанс подняться на ту же высоту!

Губы Лоу Цинкуна дрожали от волнения. Наконец, он гулко и со стуком опустился на колени — звук получился настолько глухим, что от него становилось больно. Сложив руки чашечкой над головой, он почтительно произнес:

— Если благодетель не брезгует глупостью и невежеством этого юнца, как могу я отказаться! Наставник, прошу, примите ученика!

После этого он исполнил строжайший ритуал великого поклона: три раза опустился на колени и девять раз коснулся лбом земли.

Линху Фэн невозмутимо стоял на месте. Дождавшись, пока Лоу Цинкун завершит последний поклон, он лишь легко взмахнул широким рукавом. Лоу Цинкун почувствовал, как повеяло теплым потоком ци, и, используя эту поддержку, поднялся на ноги, несмотря на нывшие от боли колени.

С этого момента Линху Фэн начал расписывать для Лоу Цинкуна целый ряд задач и расписание занятий. Прямо в кабинете он швырнул юноше книгу с техниками внутренней ци и велел тщательно ее изучить, а сам встал неподалеку, продолжая писать картину и читать книги, чтобы в любой момент иметь возможность ответить на возникающие вопросы. Обед же А Цзю принес прямо к дверям кабинета.

К ужину Лоу Цинкун вовсю хлопотал за столом, почтительно подкладывая Линху Фэну еду и неизменно обращаясь к нему не иначе как наставник. От услышанного лицо Лао Байвэй мгновенно омрачилось тучами, а черты исказились от гримасы:

— Наставник? Лоу... Лоу-сюн, с каких это пор ты назвал благодетеля наставником?

За столом воцарилась ледяная тишина. Лоу Цинкун же, казалось, ничего не заметил. Он поднял руку, положил в чашку Линху Фэна еще один кусочек куриного филе и непринужденно улыбнулся:

— Ой, я ведь еще не успел рассказать Лао-сюн! Сегодня наставник позвал меня в кабинет и принял в ученики. Ха-ха, спасибо наставнику за то, что не побрезговал, это величайшее благословение, которое я заслужил за несколько жизней!

Лао Байвэй до боли сжал бамбуковые палочки для еды, его дыхание сбилось. Изо всех сил натянув на лицо улыбку, она обратилась к Линху Фэну:

— Благодетель, скажите... неужели и у этого юнца есть честь стать вашим учеником?

Линху Фэн в этот момент как раз опустил голову, с загадочным выражением лица разглядывая куриное филе, прибавившееся в чашке к уже лежавшему там куриному бедру. Стоявшая рядом А Цзю с сомнением на лице раздумывала, не стоит ли переложить учителю рис в новую пиалу, но тут Линху Фэн невозмутимо подобрал палочками кусок куриного бедра и с видимым трудом [стал тщательно пережевывать и глотать]. Напоследок он даже с полминуты болезненно [переваривал послевкусие], после чего равнодушно поднял голову, холодным взглядом скользнул по Лао Байвэй, и его блестящие, влажные от жира алые губы едва шевельнулись:

— У тебя — нет.

Лао Байвэй подавилась воздухом, ее лицо залилось краской от неловкости. Она уже хотела было резко и гневно потребовать у Линху Фэна объяснений, но, столкнувшись с его преисполненным холодности взглядом, почувствовала, как в груди поднимается робкий страх. Опустив голову, она молча уткнулась в свою пиалу с рисом и затихла, но в глубине души зародилась жгучая ненависть к Лоу Цинкуну. Раньше у нее еще были планы сделать главного героя частью своего гарема, но теперь получалось, что пока герой жив, у нее нет ни единого шанса занять его место и стать главной героиней этого мира?

Лао Байвэй, еще недавно питавшая к Лоу Цинкуну определенные виды, теперь всей душой жаждала вытеснить его. В конце концов, если говорить о том, кто действительно запал ей в душу во всем романе, так это был он — Верховный наставник, первый красавец! Наставник отличался холодным и отстраненным нравом, он ни за что не посмотрел бы на того, кто намного уступает ему в силе. Чтобы завоевать его сердце, Лао Байвэй самой требовалось обладать определенной мощью.

Если ей приходилось выбирать между двумя вариантами, она, разумеется, предпочла бы отказаться от Лоу Цинкуна ради прекрасного наставника!

<http://bllate.org/book/21694/2237550>